

Кристофер Браунинг. Совершенно обычные мужчины: резервный полицейский батальон 101 и «окончательное решение» в Польше

BROWNING CH. R. GANZ NORMALE MÄNNER: DIE RESERVE-POLIZEIBATAILLON 101 UND DIE «ENDLÖSUNG» IN POLEN. HAMBURG: ROWOHLT, 1993. 277 S. ISBN 9783499199684

*Вера Гиряева**

Аннотация. К. Браунинг в своей монографии осуществляет реконструкцию «окончательного решения еврейского вопроса» на территории округа Люблин в 1942 г. На основе материалов Федерального центра расследований преступлений нацистов и Федерального архива в г. Кобленц (ФРГ) автор проводит социально-психологический анализ личностей и действий полицейских 101-го резервного батальона немецкой полиции порядка.

Ключевые слова. История Холокоста, социология Холокоста, социальная психология

В середине марта 1942 года в живых было примерно 75–80 % всех жертв Холокоста, в середине февраля 1943-го в живых осталось лишь 20–25 %. За 11 месяцев были практически полностью истреблены еврейские общины Польши, которые составляли от 30 до 90 % населения небольших городков и поселений. Борьба с польскими евреями носила характер блицкрига, требовала участия большого количества исполнителей и проходила на фоне масштабных военных действий немецкой армии на территории СССР, приведших к ее поражению под Сталинградом. Кристофер Браунинг¹ ставит перед собой два вопроса: как было организовано уничтожение такого количества расселенных по небольшим местечкам евреев и где набирались исполнители уничтожения? Концентрационные лагеря обходились небольшим «штатом работников», но для «зачистки» маленьких гетто, в которых жила большая часть польских евреев, и отправки их в концентрационные лагеря или убийства на месте было необходимо много исполнителей. Поиск ответов на эти вопросы привел автора в центральный аппарат высших органов земель, осуществлявших надзор за органами юстиции (Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltung) в Людвигсбурге, который координировал судебное преследование нацистских преступников (Федеральный центр расследований преступлений нацистов), где Браунинг впервые увидел документы о 101-м резервном полицейском батальоне полиции порядка (Ordnungspolizei). В отличие от многих других подразделений, участвовавших в массовых уничтожениях, чей личный состав можно реконструировать лишь частично, списки личного состава этого батальона

* Гиряева Вера Николаевна — научный сотрудник ИНИОН РАН. Email: girv@mail.ru

© Гиряева В., 2010

© Центр фундаментальной социологии, 2010

¹ Кристофер Браунинг – профессор истории Университета Северной Каролины.

сохранились. Большинство полицейских были из Гамбурга и проживали в этом городе на момент следствия, длившегося с 1962 по 1972 год. В распоряжении исследователя оказались протоколы допросов 210 полицейских (на момент создания в 1942 году батальон состоял из почти 500 человек). Протоколы допросов дают статистически значимую информацию о возрасте, членстве в НСДАП, службе в СС и социальном происхождении полицейских. Примерно 125 протоколов показали Браунингу настолько достоверными, что позволили сделать выводы о внутренней динамике этой группы убийц.

Если рассуждать на элементарном уровне, то Холокост стал возможен потому, что некоторые люди достаточно долгое время тысячами убивали других людей, став «профессиональными убийцами», пишет автор (S. 13). При исследовании таких групп историки сталкиваются с большими проблемами, в первую очередь с розыском источников. В отличие от подразделений, которые убивали на территории СССР, от 101-го батальона осталось немного документов, особенно касающихся заданий по уничтожению евреев. Показания нескольких уцелевших евреев позволяют составить представление о том, когда, где, в каком объеме батальон выполнял задания. Но в отличие от гетто и концентрационных лагерей, в которых жертвы в течение продолжительного времени контактировали со своими палачами, выжившие жертвы 101-го батальона, место дислокации которого постоянно менялось, не много могли сказать и о его постоянно меняющемся составе. Неизвестные мужчины внезапно появлялись, убивали и пропадали. Зачастую жертвы даже не могли вспомнить зеленую форму — знак того, что убийство было совершено полицейским батальоном. Поэтому реферируемое исследование основывается на 125 протоколах допросов 1960-х годов. Каждый из допрашиваемых играл свою роль в произошедшем, а значит, мог вспомнить или забыть разные вещи и смотрел на ситуацию по-своему. Кроме того, перед лицом грозящего уголовно-правового преследования многие обвиняемые лгали. Следователи задавали вопросы таким образом, чтобы установить юридически значимый факт: совершало ли определенное лицо в определенное время определенное уголовно-наказуемое деяние. Автора же интересует изучение субъективных переживаний участников содеянного (S. 15).

В последние десятилетия историки увлечены написанием истории «снизу», реконструируя переживания и опыт большинства населения, отмечает Браунинг. При этом, исследуя Третий рейх, некоторые историки пытаются отбросить национал-социализм и сосредоточиться только на повседневности, представляя повседневность в Третьем рейхе как что-то «нормальное», если не удастся доказать, что она была пронизана политикой национал-социализма. Однако история 101-го резервного батальона показывает, что массовые убийства и повседневность практически слились в одно целое. «Нормальность» становилась все более ненормальной (S. 16). Также автор отмечает, что он пытался по-человечески понять полицейских, иначе исследование было бы невозможным, но это не значит, что он пытался оправдать их (S. 17). В соответствии с законодательством Германии Браунинг в своем исследовании приводит настоящие имена командира батальона майора Вильгельма Траппа (Wilhelm Trapp), капитана Вольфганга Хоффманна (Wolfgang Hoffmann), капитана Юлиу-

са Вольауфа (Julius Wohlauf), старшего лейтенанта Хартвига Гнаде (Hartwig Gnade), для остальных полицейских придуманы псевдонимы (S. 18).

Первая глава посвящена описанию раннего утра 13 июля 1942 года, когда 101-й резервный полицейский батальон был поднят с нар в здании школы в польском городе Белгорай. Мужчины были жителями Гамбурга, отцами семейств среднего возраста пролетарского или мелкобуржуазного происхождения. Поскольку они были слишком старыми для службы в вермахте, их призвали в ряды полиции порядка. Большинство из них еще никогда не служили на занятых территориях. К 13 июля они находились в Польше почти три недели. Было еще темно, когда они залезали в грузовики, чтобы выехать на первое серьезное задание: что им предстоит, они не знали. Колонна взяла курс на восток. Через полтора-два часа они остановились в местечке Йозефов, находившемся на расстоянии всего 30 км от Белгорая. Йозефов был типичным польским поселением с белыми домами, крытыми соломой, 1800 его жителей были евреями. Полицейские полукругом обступили майора Траппа, 53-летнего профессионального полицейского, получившего у подчиненных доброе прозвище «папа Трапп». Он был бледен, заметно нервничал, в его глазах стояли слезы. Стараясь держать свои чувства под контролем, Трапп сообщил, что батальону предстоит ужасно неприятное задание. Ему самому задание не нравится, все это очень прискорбно, но приказ поступил с самого верха. Может быть, подчиненным будет легче справиться с заданием, если они будут думать о бомбах, которые падают на головы женщин и детей в Германии. Один из полицейских вспомнил, что Трапп сказал, что евреи спровоцировали бойкот со стороны Америки, который нанес Германии ущерб. Два других полицейских утверждали, что Трапп говорил о наличии в Йозефове евреев, которые помогают партизанам. Затем он перешел к изложению сути задания. Батальон должен собрать всех евреев. Работоспособные мужчины должны быть отделены и направлены в трудовой лагерь. Остальные — женщины, дети, старики должны быть расстреляны на месте. После того как Трапп объяснил подчиненным, что их ожидает, он сделал исключительное предложение: кто не чувствует себя достаточно зрелым для исполнения этого задания, может отойти в сторону (S. 22).

Во второй главе Браунинг отвечает на вопрос: как могло случиться, что летом 1942 года резервный батальон «пожилых» полицейских был брошен на задание по расстрелу полутора тысяч евреев? Автор обращается к истории полиции Германии и ее роли в истреблении европейских евреев. Когда в 1919 году внутриполитическое положение немного стабилизировалось, добровольческий корпус, участвовавший в подавлении революционных выступлений, слился с регулярными полицейскими отрядами, таким образом были сформированы отряды на казарменном положении, которые должны были бороться с революционной угрозой. В 1920 году союзники потребовали распустить эти полицейские формирования, так как они противоречили Версальскому договору. В 1933 году вновь была создана «полицейская армия» на казарменном положении, состоявшая из 56 000 человек, получающих военную подготовку. Когда Гитлер в 1935 году полностью отмежевался от положений Версальского договора и ввел обязательную воинскую повинность, полиция влилась в армию, поставляя для последней офицеров и унтер-офицеров. На 1942 год не менее 97 генералов вермахта в период между 1933 и 1935 годом служили в отрядах полиции. В

1936 году Генрих Гиммлер стал шефом немецкой полиции, которому подчинялись все подразделения полиции Третьего рейха. Он разделил полицию на «охранную полицию», к которой относились гестапо и криминальная полиция, и «полицию порядка», объединяющую городскую полицию порядка и жандармерию в сельской местности. В 1938 году в полиции порядка служило 62 000 человек. В 1938–1939 годах полиция порядка сильно разрослась. С вступлением в нее молодые люди освобождались от армии и могли служить вблизи от дома. К началу войны в сентябре 1939 года в ней служили 131 000 мужчин. 16 000 из них были объединены в полицейскую дивизию, которая находилась в распоряжении вермахта и воевала в 1940 году в Арденнах, в 1941-м участвовала в наступлении на Ленинград. В 1942 году Гиммлер получил эту дивизию обратно в свое распоряжение. В конечном итоге полиция порядка предоставляла вермахту 8000 человек, остальные полицейские освобождались от службы в армии. Для пополнения своих рядов полиция порядка постановила рекрутировать 26 000 молодых немцев (9000 добровольцев 1918–1920 г.р.; 17 000 добровольцев 1909–1912 г.р.), 6000 лиц немецкой национальности, которые до 1939 года проживали за пределами рейха (Volksdeutsche). Кроме того, полиция порядка получила разрешение призвать 91 500 резервистов 1901–1909 г.р., т.е. возрастной группы, которая еще никогда не служила в вермахте. Затем постепенно призыв распространился и на мужчин более ранних годов рождения, так что в середине 1940 года в полиции порядка служили 244 500 мужчин. Полиция порядка состояла из 101-го батальона, 20 подразделений которого располагались на территории захваченной немцами Польши (13 в генерал-губернаторстве, 7 — на остальных восточных территориях), 10 — на территории протектората Богемии и Моравии, 6 — в Норвегии, 4 — в Нидерландах. Новые батальоны формировались двумя путями: во-первых, прибывали новые силы профессиональных офицеров; во-вторых, призывались все новые резервисты старшего возраста. Из рядов 26 000 молодых добровольцев, вступивших в ряды полиции осенью 1939 года, формировались специальные батальоны с номерами 251–256 и 301–325, которые позднее должны были стать элитой полиции порядка.

На территории каждого из четырех дистриктов-округов (Краковского, Варшавского, Люблинского, Радомского) и присоединенного в 1941-м пятого дистрикта — Галиции, составлявших генерал-губернаторство, располагались штаб командующего и полк полиции порядка, состоявший из трех батальонов, личный состав которых постоянно менялся, возвращаясь обратно в Германию. Кроме того, территория генерал-губернаторства была покрыта тонкой сетью мелких подразделений полиции порядка. В крупных городах Польши находились небольшие подразделения охранной полиции, их главной задачей было контролировать польскую полицию. В городах средней величины располагались жандармерии (всего от 30 до 40). Подразделения охранной полиции и жандармерии, так же как и три батальона полиции порядка, подчинялись командующему полиции порядка. В конце 1942 года численность личного состава полиции порядка на территории генерал-губернаторства выросла до 15 186 человек. Если смотреть снизу вверх, то цепочка приказов от небольших подразделений полиции порядка через командующего в Кракове уходила в Берлин в Главную службу полиции порядка, возглавляемую Куртом Далюге. Это была обычная цепочка приказов, если дело касалось подразделений полиции порядка на местах. В случаях, когда дело шло

о совместных акциях полиции порядка, охранной полиции и других подразделений СС, использовалась иная цепочка приказов. Генрих Гиммлер назначил верховного руководителя СС и полиции Фридриха-Вильгельма Крюгера своим личным уполномоченным на территории генерал-губернаторства и наделил его правом координировать все акции, в которых было задействовано более одного подразделения бурно растущей «полицейской империи». В каждом дистрикте генерал-губернаторства находился руководитель СС и полиции, который на уровне дистрикта имел такие же полномочия, как Крюгер в генерал-губернаторстве. В дистрикте Люблин, в котором в 1942–1943 гг. базировался 101-й резервный батальон, руководителем СС и полиции был протеже Гиммлера Одило Глобочник. Таким образом, к низовым подразделениям полиции порядка дистрикта Люблин приказы могли поступать как из Главной службы в Берлине от Далюге через Краков, так и от Гиммлера через верховного руководителя СС и полиции Крюгера и руководителя СС и полиции дискрипта Люблин Глобочника. Так как в планомерном истреблении польских евреев участвовали все подразделения СС и полиции, то решающее значение имела вторая цепочка приказов: Гиммлер—Крюгер—Глобочник (S. 23–28).

Первый раз подразделения полиции порядка участвовали в осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса» не на территории Польши, а на территории СССР летом и осенью 1941 года, о чем Браунинг пишет в третьей главе «Полиция порядка и окончательное решение: Россия 1941». Полицейские батальоны 309, 316, 322-й принимали участие в уничтожении евреев в Белостоке, Беловичах, Могилеве; батальоны 45, 303, 314, 304, 320-й — в Шепетовке, Бердичеве, Виннице, Кременчуге, Полтаве, Днепропетровске, Харькове (S. 29–39). Осенью 1941 года Далюге принял на себя выполнение еще одного важного задания — обеспечение депортации евреев из Германии на восток. Депортация была разрешена Гитлером в конце сентября 1941 года и должна была быть организована Рейнхардом Гейдрихом в Берлине, Адольфом Эйхманом и региональными управлениями охранной полиции во всей Германии. Исключение составляли Вена и Прага, в которых Эйхман уже создал Центральные бюро по еврейской эмиграции. Достаточно быстро Гейдрих и Далюге пришли к соглашению о «разделении труда»: полиция порядка Далюге взяла на себя надзор за организованным охранной полицией Гейдриха транспортом, пишет Браунинг в четвертой главе. Перед каждой новой волной депортации местные подразделения полиции порядка получали указание от охранной полиции о том, какое количество полицейских должно конвоировать депортационный транспорт. Обычно на единицу транспорта требовалось 16 человек, из них один офицер. В период с осени 1941 до весны 1945 года более 260 поездов увезли немецких, австрийских и чешских евреев либо сразу в гетто и лагеря смерти «на востоке» (в Польше и России²), либо сначала во «временное» гетто Терезиенштадт севернее Праги, а уже затем «на восток». Не менее 147 поездов из Венгрии, 87 из Голландии, 76 из Украины, 63 из Словакии, 27 из Бельгии, 23 из Греции, 11 из Италии, 7 из Болгарии, 6 из Хорватии, в общей сложности почти 450 поездов из

² В немецком переводе работы Браунинга, взятом за основу для реферата, указано направление депортации — Польша и Россия. Вероятно, имелась в виду не Россия, а СССР. Лагеря смерти, концентрационные лагеря, трудовые лагеря, тюрьмы находились на территории Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии.

Западной и Южной Европы хотя бы на части их пути следования сопровождалась немецкими охранниками. Точное количество поездов, доставлявших польских евреев в близлежащие лагеря смерти, не известно, единственное, что можно сказать, — их было много сотен. Практически все эти поезда охранялись полицией порядка (S. 48). Опыт полицейских, полученный в ходе таких операций, описан в нескольких отчетах. Первый — отчет лейтенанта Пауля Салиттера об охране депортационного поезда из Дюссельдорфа в Ригу 11 декабря 1941 года³ уже опубликован на английском и немецком языках и Браунингом в тексте монографии не приводится. Автор цитирует отчет от 20.06.42 о депортационном поезде из Вены в Собибор 14.06.42 («венский отчет») и отчет от 14.09.42 о депортационном поезде из Коломеи в Галиции в Бельчек («львовский отчет»). То, что описано в этих отчетах, полицейские совершали многократно в течение войны. Как следует из венского отчета, депортация пожилых венских евреев всех возрастов, которые не знали, куда их увозят, прошла без особых проблем для охраны, поэтому лейтенант Фишманн концентрируется на описании проблем с пайком полицейских, докладывая о том, что колбаса и масло были испорченными. В отчете не упоминается, что закрытые в вагонах люди не получали в течение пути не только пищи, но и воды. Руководя выгрузкой 949 евреев в Собиборе, Фишманн не мог не знать, какая судьба их ожидает. Несмотря на то, что газовые камеры в Собиборе были спрятаны далеко в лесу, Фишманн должен был догадываться о конечной цели маршрута, так как ему было известно, что люди, которых он привез, были отобраны как «неработоспособные» и при них не было никаких личных вещей. Для полицейских резервного батальона 133, охранявших депортацию из Коломеи в Бельчек, поездка была куда более напряженной. Евреи в Галиции были свидетелями резни летом и осенью 1941 года и первой волны депортации, так что ожидавшая их судьба была им самим более или менее ясна. В львовском отчете, подписанном лейтенантом Вестерманном, отмечаются попытки людей избежать «поезда смерти»; ограниченное число охраны (10 человек для конвоирования 8000); ужасные условия (многокилометровые марши, невыносимая жара, отсутствие воды и еды; 200 человек в одном вагоне). Около 25 % депортируемых умерли в пути от голода и обезвоживания. Люди, которые в силу возраста или состояния здоровья, по оценке полицейских, все равно не перенесли бы депортацию, расстреливались еще до погрузки в вагоны. Как следует из документов, депортация, описанная в львовском отчете, была одним из многих аналогичных заданий, выполненных личным составом 133-го резервного батальона полиции порядка совместно с личным составом охранной полиции (S. 57).

То, что мы бы хотели узнать о полицейских, эти отчеты нам, к сожалению, не рассказывают, пишет автор (S. 57). Эти мужчины не были «убийцами за письменными столами», отгораживающимися от своих жертв расстоянием и стенами кабинетов, для которых убийства были частью бюрократических процедур. Полицейские 133-го резервного батальона сталкивались со своими жертвами лицом к лицу. Их товарищи уже расстреляли тех, кто не мог быть депортирован, сами они в течение многих часов использовали самые жестокие методы, чтобы не дать людям возможности сбежать во время депортации и тем самым попытаться избежать смерти в газовых камерах Бель-

³ *Schneider G. Journey into terror: story of the Riga Ghetto. New York: Ark House, 1979. P. 195–211.*

чека. Как эти мужчины стали многократными убийцами? Что происходило в их подразделениях, когда они в первый раз исполняли приказ убить? Был ли у них выбор, и если да, то как они реагировали? Как им самим удалось преодолеть многодневные и многомесячные «марафоны убийств»? (S. 58). Проанализированные отчеты не дают ответов на эти вопросы, поэтому в пятой главе Браунинг возвращается к истории 101-го резервного батальона.

Осенью 1939 года 101-й резервный батальон выполнял задание по аресту и охране польских военнопленных. По возвращении в Гамбург 17.02.39 батальон лишился 100 профессиональных полицейских, из которых было сформировано другое подразделение. Их место заняли резервисты средней возрастной группы, призванные осенью 1939 года. После обучения с мая по июнь 1940 года батальон дислоцировался в Познани, затем еще 4 месяца — в Лодзи, где проводил операцию по переселению, в ходе которой (по замыслу Гитлера и Гиммера) на аннексированные территории должны были быть переселены лица немецкой национальности, проживающие за пределами рейха (Volksdeutsche), а поляки и иные «нежелательные элементы» (евреи, цыгане) принудительно выселялись в центральную Польшу (S. 60). 28 ноября 1940 года батальон взял на себя охрану Лодзинского гетто. Личный состав получил приказ без предупреждения стрелять в каждого еврея, который приближался к ограждению. В мае 1941 года батальон вернулся в Гамбург и был полностью переструктурирован. Все полицейские, призванные до войны, и весь офицерский и младший офицерский состав были распределены по другим батальонам. На их место заступили новые резервисты. Таким образом, батальон стал «полностью резервным», как пояснил один из допрашиваемых полицейских. С мая 1941-го по июнь 1942-го батальон находился в состоянии формирования и интенсивного обучения. Из этого периода полицейские могли вспомнить бомбардировку Любека в марте 1942 года, непосредственно после которой батальон был введен в Любек, и депортацию гамбургских евреев. С середины октября 1941-го по конец февраля 1942-го 53 000 евреев и 5000 цыган 59 партиями были депортированы с территории Третьего рейха «на восток», а именно в Лодзь, Ригу, Каунас и Минск. Пять групп, привезенных в Каунас, и первая группа, привезенная в Ригу, были расстреляны сразу по прибытии. Остальные группы сначала поместили в гетто Лодзи (туда попали 5000 австрийских цыган), Минска и Риги. Четыре группы были из Гамбурга. Первая, состоящая из 1034 человек, была отправлена в Лодзь 25.10.41; вторая в количестве 990 человек 08.11.41 — в Минск; третья, объединявшая 408 гамбургских и 500 бременских евреев, 18.11.41 — в Минск; четвертая (808 человек) 04.12.41 — в Ригу. Подразделения 101-го батальона принимали участие в разных этапах депортации. Местом сбора охранная полиция назначила Дом вольных каменщиков, расположенный между университетской библиотекой и жилым блоком в паре сотен метров от оживленного вокзала Даммтор, так что происходящее не могло остаться незамеченным гамбургскими жителями. Одни полицейские 101-го резервного батальона регистрировали прибывших и обеспечивали размещение в грузовых автомашинах, которые отвозили людей на вокзал Штерншанце; их товарищи контролировали посадку с грузовиков на поезд. Кроме того, личный состав бата-

льона сопровождал депортацию первой, второй и четвертой групп. Бруно Пробст⁴, сопровождавший депортацию в Минск, начавшуюся 8 ноября, вспоминал, что евреям сказали о новом закрытом поселении на востоке. Людей посадили в обычные пассажирские вагоны, а личные вещи, в том числе инструменты, кухонную утварь, погрузили в два грузовых вагона. Для охраны был прицеплен отдельный вагон второго класса. В вагонах, в которых ехали депортируемые, постов охраны не было, но в случае остановок поезд должен был охраняться с обеих сторон. Через четыре дня поезд прибыл в Минск. Конечную цель все, включая охрану, узнали после того, как проехали Варшаву. В Минске поезд ожидал отряд СС. Депортируемые пересели на грузовики, вещи остались в поезде. Отряд 101-го резервного батальона поехал в казармы, где уже размещался полицейский отряд (не резервный), находившиеся в непосредственной близости от лагеря. Из разговоров отряд 101-го резервного батальона узнал, что находившиеся в казармах полицейские несколько недель расстреливают в Минске евреев. Из чего Пробст и его товарищи сделали вывод, что и с гамбургскими евреями должно произойти то же (S. 65).

В июне 1942 года 101-й резервный батальон снова был переведен в Польшу. Лишь несколько унтер-офицеров были в Польше в составе этого батальона с 1939 года и менее 20 % рядового состава участвовали в операции на территории Польши в 1940-м. Немногим большая группа полицейских участвовала в депортации гамбургских евреев осенью 1941 года. Несмотря на то, что оставаться в неведении о массовых убийствах евреев в России было сложно, большинство служивших в 101-м резервном батальоне еще не сталкивались с методами, применяемыми германской армией на занятых восточных территориях (за исключением тех, кто участвовал в Первой мировой), и не имели военного опыта. Батальон состоял из 11 офицеров, 5 чиновников (ответственных за жалование, провиант, расквартирование и пр.), 486 унтер-офицеров и рядовых. В последние минуты к ним присоединились несколько подразделений из Вильгельмсхафена, Рендсбурга (Шлезвиг-Гольштейн) и Люксембурга. Большая часть полицейских была из Гамбурга и окрестностей, так что не только люксембургские, но и рендсбургские и вильгельмсхафенские коллеги воспринимались ими как чужаки (S. 68).

101-й резервный батальон состоял из трех рот, каждая по 140 человек. Две роты возглавлялись капитанами полиции, третья — старшим по сроку службы лейтенантом запаса. Каждая рота делилась на три взвода, во главе двух стояли лейтенанты запаса, во главе третьего — старший по сроку службы гауптвахмистр; в каждом взводе было четыре отделения, возглавляемые гауптвахмистрами и вахмистрами. Рядовые были вооружены винтовками, унтер-офицеры — автоматами. Помимо трех рот в состав батальона входили штабной персонал, один врач, один санитар, водители, писцы, связисты. Батальон возглавлял 53-летний Вильгельм Трапп, принимавший участие в Первой мировой и получивший Железный крест первой степени. После войны он стал профессиональным полицейским и достаточно быстро продвинулся по службе. Когда в декабре 1932 года Трапп вступил в ряды НСДАП, он уже считался «старым бойцом», но тем не менее не был принят в СС, несмотря на то, что Гиммлер и Гейдрих

⁴ Имя изменено автором.

следили за тем, чтобы государственное и партийное в их эсэсовско-полицейской империи слилось в единое целое. Очевидно, отмечает Браунинг, Трапп не был пригоден для СС (S. 67). Очень скоро Трапп вступил в конфликт с двумя своими молодыми капитанами-эсэсовцами. И через 20 лет на суде они не скрывали, что считали своего командира гражданским слабаком, который слишком сильно вмешивался в служебные дела офицеров. Эти капитаны также были гауптштурмфюрерами СС и еще не достигли тридцатилетнего возраста. Вольфганг Хоффманн, 1914 г. р., в 16 лет вступил в нацистский союз школьников, в 18 — в гитлерюгенд, через год — в СС, в 1934 году окончил школу. В 1936 году Хоффманн поступил в полицию, в 1937-м вступил в НСДАП, завершил офицерское образование и получил звание лейтенанта. Весной 1942-го он был зачислен в 101-й резервный полицейский батальон и в июне 1942-го в 28 лет стал капитаном. Хоффманн возглавлял третью роту. Юлиус Вольауф, 1913 г. р., получил в 1932 году аттестат зрелости, в 1933-м вступил в НСДАП, в 1936-м — в СС, в 1938 году получил звание лейтенанта охранной полиции. Был зачислен в 101-й резервный полицейский батальон в начале 1942-го, в июне того же года — произведен в звание капитана, командовал первой ротой и стал заместителем Траппа. В отличие от Траппа, Хоффманн и Вольауф представляли собой гибрид профессионального полицейского офицера и молодого нациста-эсэсовца, т. е. были идеальными эсэсовскими и полицейскими силами, с точки зрения Гимmlера и Гейдриха (S. 68).

Об адъютанте Траппа мало что известно, кроме того, что он погиб весной 1943-го, видимо, по неосторожности был убит своими же (S. 190). В батальоне также служили семь лейтенантов запаса, т. е. мужчин, которые не были профессиональными полицейскими, но с учетом их принадлежности к среднему классу, школьного образования и профессионального успеха в гражданской жизни они после призыва в полицию порядка были произведены в офицерское звание. Младшему из лейтенантов запаса было 33 года, старшему — 48; пятеро из них состояли членами НСДАП, никто не служил в СС. Из 32 унтер-офицеров, о которых автору удалось собрать данные, 22 были «партайгеноссе», семь — эсэсовцами. Возраст унтер-офицеров — от 27 до 40 лет (средний возраст — 33 с половиной). Унтер-офицеры не были резервистами, их рекрутировали в полицию еще до войны (S. 68).

Большинство рядовых были из Гамбурга и окрестностей, 63 % — из рабочих, но в основном не владеющих определенной профессией, а разнорабочих (в порту, на судах, на складах, на сельскохозяйственных работах, официанты, водители грузовиков), что было характерно для Гамбурга тех лет. Практически все 35 % рядовых из среднего класса были наемными работниками; три четверти были заняты в сфере продаж, четверть состояла на государственной службе или работала в частных бюро. Кроме того, 2 % составляли учителя, аптекари, мелкие частные предприниматели. Средний возраст рядовых — 39 лет (более половины в возрасте от 37 до 42 лет). Эта возрастная группа была, по меркам вермахта, уже «стара», но с сентября 1939 года мужчин этого возраста массово призывали в резервные полицейские батальоны. Около 25 % полицейских из рабочих семей (43 из выборки в 174) в 1942 году состояли в НСДАП; шесть из них были «старые бойцы», которые вступили в партию до прихода Гитлера к власти; еще шестеро вступили в НСДАП в 1933 году. Несмотря на то, что между 1933 и 1937 годами внутри страны прием в НСДАП был приостановлен, еще шесть человек

были приняты в партию за рубежом. 16 человек вступили в партию в 1937 году, девять — в 1939-м и позднее. Среди мужчин из среднего класса процент членов НСДАП был немногим выше (30 %).

Из приведенных данных следует, что рядовой состав 101-го резервного батальона состоял из представителей низших слоев немецкого общества, чуждых социальной и географической мобильности и прекративших свое образование в 14–15 лет, окончив народную школу. На 1942 год удивительно большой процент рядового состава состоял в НСДАП. Поскольку протоколы допросов не содержат такой информации, невозможно сказать, сколько человек из них до 1933 года были коммунистами, социалистами, членами профсоюзов. Возраст рядового состава позволяет предположить, что годы, в которые формируются мировоззрение и характер, эти люди провели в донацистской Германии и им были известны и иные, не только нацистские политические и моральные нормы. Большинство из них были родом из Гамбурга — города, который считался самым ненацистским из всех крупных городов Германии. По мнению автора, именно эти люди вряд ли могли быть теми, из кого можно было бы рекрутировать массовых убийц для проведения в жизнь нацистского «окончательного решения» (S. 70).

Вероятно, 11 июля 1942 года с майором Траппом связался Глобочник или кто-то из его штаба и отдал приказ 101-му резервному батальону «собрать» 1800 евреев из Йозефова. В этот раз, правда, речь шла не о депортации, а об отправке работоспособных мужчин в лагерь Глобочника под Люблином и расстреле на месте всех остальных. По приказу Траппа весь батальон, разбросанный по окрестностям Белгорая, собрался в нем 12 июля. Исключение составили только третий взвод третьей роты, дислоцированный в другой местности, находившийся с ним Хоффманн, а также несколько человек из первой роты, которые уже были в Йозефове. Майор Трапп обсудил задание с командирами первой и второй рот — капитаном Вольауфом и старшим лейтенантом Гнаде. Остальных офицеров о задании, по-видимому, проинформировал адъютант Траппа, так как лейтенант Хайнц Бухманн⁵ узнал о нем уже вечером того же дня. Бухманн, которому на тот момент было 38 лет, был управляющим торгового предприятия в Гамбурге, принадлежавшего его семье. В 1937 году он вступил в НСДАП, в 1939-м был призван в полицию порядка и служил в Польше водителем. В 1940 году он пытался демобилизоваться, но вместо этого был направлен на офицерские курсы, в ноябре 1941-го получил звание лейтенанта запаса и, наконец, в 1942-м стал командующим первым взводом первой роты 101-го резервного батальона. Когда Бухманн услышал о предстоящей бойне, он сразу сказал адъютанту Траппа, что как гамбургский предприниматель и лейтенант запаса ни в коем случае не может участвовать в расстреле безоружных женщин и детей. Он просил дать ему другое задание, и адъютант позаботился о том, чтобы Бухманну было поручено командование группой, охраняющей работоспособных мужчин на пути в Люблин. Капитан Вольауф обмолвился своим подчиненным, что «завтра предстоит интересное задание». Один из рядовых, который выражал недовольство, что ему придется остаться в казарме, получил ответ от адъютанта майора Траппа: «Радуйтесь, что можете остаться здесь. Вы еще увидите,

⁵ Имя изменено автором.

что произойдет» (S. 87). Один из гауптвахмистров предупредил второй взвод третьей роты, что не намерен завтра видеть трусов и раздал дополнительные патроны. Один из полицейских на суде показал, что пронесся слух о «еврейской акции» и его подразделение получило плети, но больше никто о плетях вспомнить не мог.

В два часа утра следующего дня колонна грузовиков покинула Белгорай и прибыла в Йозефов, когда начало светать. Трапп собрал вокруг себя подчиненных и сделал им экстраординарное предложение — дал возможность отказаться от непосредственного участия в расстреле. Некоторое время стояла полная тишина, но потом один из рядовых третьего взвода третьей роты подал голос. Гауптвахмистр взвода был недоволен, что именно его подчиненный оказался слабаком, но Трапп прервал выговор гауптвахмистра и взял полицейского под свою защиту. Всего 10-12 человек отказались от выполнения задания и отошли в сторону, сдав оружие. Они должны были быть готовы выполнять другие приказы майора Траппа. Затем были распределены задания: два взвода третьей роты должны были окружить деревню и расстреливать любого, кто пытается бежать, остальные — вывести евреев на рыночную площадь деревни. Евреи, которые были слишком слабы или стары, чтобы дойти до площади, и дети должны были быть расстреляны на месте. Нескольким полицейским из первой роты надлежало конвоировать перевозку работоспособных евреев, отобранных на рыночной площади, в Люблин, остальным — идти в лес и образовать «расстрельную команду». Вторая рота и третий взвод третьей роты получили приказ погрузить евреев на грузовики батальона и отвезти их с рыночной площади в лес. Сам майор Трапп, по свидетельствам его подчиненных, в исполнении задания участия не принимал и, видимо, провел день в своем штабе и на улицах Йозефова, но в лес не заходил. Некоторые из подчиненных, видевших его в течение дня, вспоминали, что он плакал и сокрушался, что на его долю выпало такое задание, но «приказ есть приказ» (S. 89). В это время унтер-офицеры разделили полицейских на группы по 2-4 человека, которые прочесали еврейскую часть Йозефова, вытащили людей из домов, стариков, больных и детей расстреляли на месте, остальных согнали на рыночную площадь. Часть полицейских стояла на улицах, ведущих к рыночной площади, чтобы не дать людям сбежать. Городок был настолько мал, что происходящее нельзя было скрыть, раздавались крики. На допросах многие полицейские показывали, что видели на улицах убитых, слышали, что все пациенты еврейской больницы и жители еврейского дома престарелых были расстреляны на месте, но в том, что расстреливали лично они, соznались только двое. Очень много расхождений в ответах полицейских на вопрос, расстреливали ли они младенцев и детей. Одни утверждали, что не трогали младенцев и детей; другие говорили, что матери ни за что не хотели оставлять своих детей, поэтому многие женщины пришли на рыночную площадь с детьми и были вместе с ними посажены в грузовики. Первая рота получила соответствующий инструктаж у врача батальона, который показал, куда надо стрелять, чтобы убить жертву с первого выстрела, и ушла в лес, а адъютант Траппа начал проводить на рыночной площади отбор работоспособных евреев. Когда были отобраны 300 работоспособных мужчин, из леса послышались первые выстрелы. В сопровождении Бухманна и люксембуржцев из первой роты работоспособные мужчины, многие из которых плакали, прошли пару километров до железнодорожной станции, где были погружены в ожидавший

их поезд и доставлены Бухманном и его подразделением в лагерь, название которого Бухманн вспомнить не мог, но ручался, что это был не Майданек. Несмотря на то, что руководство лагеря не ожидало эту группу, их приняли. В тот же вечер Бухманн и люксембуржцы вернулись в казармы. В течение дня в лесу под командованием капитана Вольауфа полицейские укладывали евреев лицом на землю и расстреливали по команде и так группу за группой до наступления темноты с перерывом на обед. «Расстрельные команды» первой роты сменяли «расстрельные команды» второй роты, потом снова расстреливала первая и т.д. Во второй половине дня кто-то организовал для «стрелков» алкоголь. Полицейские потеряли счет расстрелянным ими людям. «Много», — вспомнил один из полицейских (S. 93). Поскольку вторая рота не получила указаний, как правильно стрелять, то вскоре все вокруг и сами полицейские были забрызганы кашей из крови и мозгов. Некоторые полицейские говорили, что уже в ходе расстрела пытались отказаться расстреливать детей; многие после восьмидесятого трупа начинали промахиваться, и их сменяли командиры или другие полицейские.

Большинство из допрошенных участников расстрела были из третьего взвода второй роты. На допросах многие рассказывали, что отказывались стрелять после первого трупа или специально стреляли мимо. Однако были и те, кто сознавался, что просил заменить его только после 20 трупов, и то лишь потому, что сосед слева отвратительно целился и на него летела вся кровавая каша (S. 102). Официально ни одежду, ни ценные вещи евреев нельзя было брать, но многие полицейские брали часы и украшения. Оставшиеся на рыночной площади вещи евреев были сожжены. На допросах также рассказывали, что когда батальон уже садился в грузовики, откуда-то появилась десятилетняя раненая девочка. Ее отвели к майору Траппу, он взял девочку на руки и сказал: «Ты должна выжить». Вернувшись в казармы полицейские сильно выпили. Тема бойни в Йозефове была табу (S. 103).

Через пару дней первая и вторая роты батальона под командованием Траппа и Вольауфа прибыли в местечко, на 12 км западнее Йозефова. Когда все евреи были согнаны в одно место, Трапп вдруг приказал отпустить их и разрешил им вернуться в свои дома, а полицейским, ничего не объяснив, приказал возвращаться в казармы. 20.07.42 101-й резервный батальон был передислоцирован в северный район дистрикта Люблин (S. 104).

В восьмой главе «Убийцы в форме» Кристофер Браунинг пытается разобраться, почему только 12 человек из 500 сразу отреагировали на предложение Траппа и отказались участвовать в предстоящей бойне. Браунинг называет следующие причины: во-первых, предложение поступило очень неожиданно, у полицейских не было времени подумать, и многие упустили свой шанс. Во-вторых, конформизм. Человек в форме идентифицирует себя в первую очередь со своими товарищами и испытывает потребность не выделяться из группы. Поскольку батальон был совсем недавно полностью сформирован, между полицейскими не успели сложиться доверительные товарищеские отношения, и отказаться от задания — значило выделиться, показать себя трусом и слабаком и остаться без поддержки (S. 104). Многие из обвиняемых полицейских оспаривали тот факт, что у них была возможность выбора. Некоторые говорили, что не слышали этих слов Траппа. Один из полицейских, убивший 20 че-

ловец, говорил, что не отказался от задания, поскольку евреи и без него не избежали бы своей участи, а мысль о том, что он сделал что-то неправильно, пришла к нему уже годы спустя (S. 106). Помимо такого удобного и рационального объяснения в протоколах допросов были зафиксированы и совсем извращенные самооправдания. 35-летний рабочий старался расстреливать исключительно детей. Его товарищ расстреливал матерей, а он детей, которых женщины привели с собой, успокаивая себя тем, что ребенок без матери все равно не выживет. «В определенном смысле это успокаивало мою совесть — спасение детей, оставшихся без матери», — сказал полицейский (S. 106). Смысл его слов стал ясен только после того, как ему задали повторный вопрос о религиозном значении слова «спасать» (нем. *erlösen*), и **полицейский подтвердил**, что тот, кто спасает людей, — спаситель, избавитель. Интересно отметить, что в воспоминаниях полицейских за небольшими исключениями практически не фигурировал антисемитизм как таковой. Евреи были для полицейских «врагом», по отношению к которому не испытывают человеческих чувств. Поляризация «мы» и «они» тем не менее является в военное время нормой. Можно предположить, что полицейские неосознанно переняли антисемитскую доктрину Третьего рейха, ведь они по меньшей мере согласились с тем, что евреи — это враги. На это представление: «еврей — враг народа» опирается Трапп, предлагая мужчинам подумать о том, что немецкие женщины и дети погибают под бомбами врагов.

Помимо той дюжины, которая сразу отказалась от выполнения задания, были и те, кто отказывался после нескольких первых трупов. Точное их количество установить не удалось, их было существенно больше, чем 12, но тем не менее как минимум 80 % участников «расстрельных команд» расстреливали до тех пор, пока не были убиты все 1500 человек, пишет Браунинг. Даже 20 и 25 лет спустя те полицейские, которые отказались продолжать расстрел после нескольких выстрелов, объясняли свое решение не моральными и этическими мотивами, а физической брезгливостью. Но никто не ставил под сомнение дисциплину или режим. Сложность и груз таких заданий были известны и предводителям режима. В своей речи в Познани 4 октября 1943 года Генрих Гиммлер превозносил дисциплину как главную добродетель эсэсовца, но признавал, что если у кого-то «сдадут нервы» и он «слаб», то он должен быть просто отправлен на пенсию.

Очень редко полицейские обосновывали свой отказ от участия или от продолжения участия в расстреле политическими или этическими оппозиционными воззрениями. Один полицейский сказал, что он как коммунист был против национал-социализма как такового. Его сослуживец, долгие годы бывший социал-демократом, был против антисемитизма. Некоторые их товарищи говорили о том, что не принимали антисемитизм как составляющую режима. Садовник из Гамбурга объяснял свою позицию тем, что с началом истребления евреев он потерял львиную долю своих клиентов (S. 110). Один полицейский, который особенно подробно рассказал о своем отказе принимать участие в убийствах, мотивировал свой отказ тем, что все равно не хотел делать карьеру в полиции, так как был ремесленником и имел в Гамбурге мастерскую. Лейтенант Бухманн также подчеркивал на суде, что его решение было подкреплено его финансовой независимостью, возрастом и нежеланием продвигать-

ся по службе. Товарищи же, достаточно молодые люди, еще могли и хотели чего-то достичь, отмечал Бухманн (S. 110).

Даже те, кто расстреливал до тех пор, пока задание не было выполнено, были подавлены и выражали свое недовольство тем, что им поручили. Но только некоторые (в том числе Бухманн) не ограничились устными жалобами друг другу, а использовали правовые и бюрократические возможности, чтобы добиться перевода обратно в Гамбург. Однако совсем не этическая и политическая оппозиция в батальоне, а деморализация всего личного состава была той проблемой, перед которой стояли Трапп и его люблинское начальство. Поэтому в следующих акциях «окончательного решения еврейского вопроса», за редкими исключениями, 101-й резервный батальон был занят в зачистках гетто и депортациях, а не в откровенных боях. При этом при выдворении евреев из гетто для отправки их в газовые камеры работа по расстрелу «нетранспортабельных» была поручена «травникам» — коллаборационистам из числа советских военных и гражданских пленных, прошедших обучение в лагере «Травники», исполнявшим самые ужасающие задания в процессе «окончательного решения» (S. 112).

Можно только гадать, что стало причиной странного происшествия в деревеньке в 12 км от Йозефова, когда Трапп приказал отпустить уже выдворенных из домов евреев. Первое объяснение, приходящее на ум, — это деморализация: после бойни в Йозефове прошло совсем мало времени. Однако может быть, Трапп уже знал, что отныне уничтожение евреев будет происходить в основном в концентрационных лагерях, а самая грязная работа передана «травникам», и освободил своих подчиненных от этого задания. В любом случае личный состав привык к своему участию в «окончательном решении», и в следующий раз, столкнувшись с необходимостью расстреливать, полицейские не испытывали замешательства, а планомерно становились все более и более эффективными и бесчувственными палачами (S. 113).

В главах 9–15 Кристофер Браунинг описывает операции, в которых принимал участие 101-й резервный батальон после 20 июля 1942 года и до ноября 1943-го. Это, например, депортация 3000 евреев из небольших общин в Бяла-Подляске и его пригородах в лагерь смерти Собибор, начавшаяся 10 июня 1942 года. 101-й резервный батальон присоединился к этой акции в августе и впервые «работал» вместе с «травниками». В этот раз в расстреле участвовал не весь батальон, а командование было передано убежденному нацисту и антисемиту старшему лейтенанту Гнаде, по приказу которого людей перед расстрелом избивали и истязали. В этой акции только два полицейских осознанно уклонились от участия в «расстрельных командах». Тем не менее они не были наказаны Гнаде, даже несмотря на то, что, согласно показаниям, старший лейтенант в тот момент был изрядно пьян и в таком состоянии особенно жесток и непредсказуем. Остальные полицейские справились с расстрелами и истязаниями лучше, чем в первый раз. По мнению Браунинга, именно эта акция стала большим шагом в превращении совершенно обычных мужчин в палачей (S. 125). Последний описываемый Браунингом эпизод — участие батальона в операции «Праздник урожая» в ноябре 1943 года, после которого 101-й резервный батальон в уничтожении евреев не участвовал. По самым скромным оценкам, с середины июля 1942 года по ноябрь 1943-го личный состав батальона непосредственно участвовал в

расстреле 38 000 человек; с учетом депортации в Трешлинку и другие лагеря смерти общее число жертв батальона из 500 человек составило 83 000 (S. 189).

В главе 16 «Усилия правосудия» автор рассказывает о послевоенной судьбе членов 101-го резервного батальона и суде над ними. Старший лейтенант Гнаде пал в бою, майор Трапп в 1944 году вернулся в Германию, часть полицейских была взята в плен советской армией, большинство же все-таки смогли вернуться в Германию и к своей профессии. Для двух гауптштурмфюреров СС Хоффманна и Вольауфа и для 12 из 23 унтер-офицеров батальона это означало вернуться в полицию. Еще 12 рядовых полицейских после окончания войны смогли вновь приступить к службе в полиции, ссылаясь на свой опыт, полученный в военное время. Неудивительно, что в архивных материалах нет информации о том, как и почему эти люди без проблем были приняты на службу в полицию, отмечает исследователь (S. 191). Парадокс также в том, что после окончания войны «сложности в Польше» испытали совсем не эсэсовцы, а майор Трапп и лейтенант Бухманн. Одного из полицейских, входившего в команду смерти в Талцине (Talsyn), по личным мотивам выдала жена. На допросе этот полицейский назвал фамилии своих командиров: командира батальона Траппа, лейтенанта Бухманна и гауптвахмистра Каммера⁶. Все четверо (включая полицейского) были экстрадированы в Польшу в октябре 1947 года. Процесс над ними состоялся 6 июля 1948 года в Сиедлице и длился всего один день. При этом обвинение ограничилось убийством лишь 78 поляков в Талцине, о тысячах убитых польских евреев не было сказано ни слова. Майор Трапп и выданный женой полицейский были приговорены к смертной казни и казнены в декабре 1948 года, Бухманн к восьми, Каммер к трем годам тюрьмы.

В 1958 году 101-й резервный полицейский батальон попал в поле зрения Федерального центра расследований преступлений нацистов, в различных отделах которого расследовались разные «блоки преступлений». Только после того как блок преступлений был расследован в Людвигсбурге и были определены главные подозреваемые, уголовно-правовое преследование передавалось в прокуратуру той земли, в которой жили основные подозреваемые. В случае блока преступлений, совершенных в дистрикте Люблин, документы поступили в прокуратуру Гамбурга в 1962 году. С конца 1962 до начала 1967 года были допрошены 210 человек, имевших отношение к батальону, многие по несколько раз. Обвинение было выдвинуто против 14 человек, в том числе гауптштурмфюреров Хоффманна и Вольауфа, одного лейтенанта, одного гауптвахмистра, трех цугвахмистров, двух группенфюреров и пяти полицейских-резервистов. Судебный процесс начался в октябре 1967 года, приговор был вынесен в апреле 1968-го. Хоффманн, Вольауф и лейтенант были приговорены каждый к восьми годам тюрьмы; один из цугвахмистров — к шести, другой — к пяти годам тюрьмы; один из группенфюреров и пять резервистов были признаны виновными, но по судебскому усмотрению не понесли наказания, так как в их отношении действовали правовые положения 1940 года. Национал-социалистическое уголовное право применялось в противовес к критикуемому Нюрнбергскому процессу с мотивировкой, что приговор не должен быть вынесен по закону, вступившему в силу после совершения преступления. В отношении лейтенанта, гауптвахмистра и одного из группенфюре-

⁶ Фамилия изменена автором.

ров дело было выделено в отдельное производство в связи с состоянием здоровья обвиняемых. Два цугвахмистра были признаны виновными, но не понесли наказания. Срок лишения свободы Хоффманна был сокращен до четырех лет. Несмотря на то, что итог судебного разбирательства кажется странным, это одна из удач немецкого правосудия. Большинство расследований деятельности полицейских батальонов не заканчивалось выдвиганием обвинения, а там, где доходило до судебных процессов, не выносились обвинительные приговоры (S. 193). Глава 17 посвящена отношениям между поляками, немцами и евреями, рассказам о том, как поляки сами задерживали и сдавали евреев нацистской полиции или сами убивали евреев (S. 206).

В главе 18 «Совершенно обычные мужчины» Браунинг высказывает предположения, почему большинство мужчин 101-го резервного батальона стали беспощадными убийцами и лишь несколько смогли избежать этой участи. Во время войн всегда совершаются ужасающие деяния. Тем не менее, как пишет Джон Доуэр (John Dower) в книге «War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War», «расовые» войны (например, «война против евреев», Тихоокеанский театр военных действий Второй мировой войны, война во Вьетнаме) brutальнее «конвенциональных» (например, между Германией и западными союзниками). В расовых войнах вооруженные солдаты вновь и вновь зверски убивают безоружное гражданское население (S. 209). Развивая мысль Доуэра, Браунинг отмечает два типа зверств в «расовых» войнах. В первом случае солдаты, пережившие ужас военных действий, поддавшись неконтролируемой ярости, зверски расправляются с женщинами, стариками и детьми, но их действия оцениваются руководством как нечто экстраординарное, «ненормальное», нарушающее приказ, психологический срыв. Во втором случае зверство является выражением официальной политической линии руководства воюющей страны и считается нормальным поведением. Исполнители находятся в совсем другом психологическом состоянии — они действуют не из ярости, фрустрации, горечи, а из расчета. Как исполнители нацистского плана полного истребления всех европейских евреев мужчины 101-го резервного батальона, без сомнения, являются ярчайшим примером второго случая. За исключением нескольких человек, принимавших участие в Первой мировой войне, и пары унтер-офицеров, которые были переведены в Польшу из России, личный состав батальона не был на поле боя. Таким образом, поведение полицейских в Йозефове нельзя объяснить брутализацией, вызванной ранее полученным опытом непосредственного участия в кровавых сражениях. Тем не менее убив один раз, мужчины становились все более жестокими. Так и в бою — то, что в первый раз вызвало ужас, быстро стало рутинной, и убивать от раза к разу все легче и легче. Следовательно, брутализация была не причиной, а следствием произошедшего. Условия войны, хотя и не являются в данном случае непосредственной причиной брутализации, тоже не должны сбрасываться со счетов. Война как борьба между «нашим народом» и «врагом» создает полярный мир, в котором «враг» легко исключается из человеческого сообщества, а правительства делают зверства составной частью политики (S. 211). Доуэр подчеркивал, что лишение врага в своем сознании человеческого образа помогает психологически дистанцироваться от жертвы и упрощает ее убийство. Такая дистанцированность, по мнению Браунинга, и есть ключ к дей-

ствиям 101-го резервного батальона. Война и расовые предрассудки — это факторы дистанцированности, которые усиливали друг друга.

Рауль Хильберг, Ханна Арендт и другие исследователи, занимавшиеся Холокостом, особое внимание уделяли бюрократическому и административному аспектам массовых уничтожений людей. Они подчеркивали, что современная бюрократическая жизнь создает функциональную и телесную дистанцию между преступником и жертвой, которая облегчает массовые убийства, так же как и созданная войной и негативными расовыми предрассудками психологическая дистанцированность. Действительно, многие протагонисты Холокоста были так называемыми «убийцами за письменными столами», которым проще было нести груз участия в зверствах в силу бюрократического характера участия. Их работа в машине уничтожения зачастую сводилась к рутинным действиям, составляющим крохотную часть огромного процесса, они не видели своих жертв. Отнимали ли бюрократы или специалисты у уничтожаемых евреев имущество, составляли ли планы движения поездов к лагерям смерти, разрабатывали ли законы, отсылали ли телеграммы или составляли списки — их работа носила рутинный и отстраненный характер, они могли ее исполнять, не рискуя в один прекрасный момент встретиться со своими жертвами. Форма полицейских, напротив, была в прямом смысле слова залита кровью жертв. Поэтому с первого взгляда кажется, что упомянутый персонифицированный аспект бюрократических массовых убийств не может помочь в анализе действий 101-го резервного батальона. Тем не менее психологическое облегчение, испытываемое при разделении труда, имело место и в случае фактических убийств. Это касается как разделения труда по непосредственному уничтожению с другими подразделениями, когда 101-й батальон только вытаскивал евреев из домов, стоял в оцеплении, сажал в грузовики или поезда, а другие подразделения собственно расстреливали, так и в особенности отправки в лагеря смерти, когда полицейские были географически несколько дистанцированы от места убийства. Психологическим преимуществом в случае депортации жертв в лагеря смерти было то, что полицейские не присутствовали при самом убийстве. После произошедшего в Йозефове в тех случаях, когда они сами непосредственно не убивали, им казалось, что они не принимают участия в убийстве и не отвечают за него (S. 213).

Проходил ли личный состав 101-го резервного батальона специальный отбор, и если да, то какой? Немецкий историк Ханс-Генрих Вильгельм (Hans-Henrich Wilhelm) установил, что ведомство Гейдриха очень внимательно относилось к отбору и распределению офицеров. Гиммлер, который был весьма озабочен вопросом нахождения подходящего исполнителя для каждого задания, так же придирчиво подбирал людей на ключевые посты в полицию и СС, что объясняет, почему коррумпированный Глобчик был переведен в дискрипт Люблин. Но состав 101-го резервного батальона не проходил никакого специального отбора. По возрасту, региональному и социальному происхождению эти мужчины не являлись действительно пригодным «материалом» для создания команды будущих массовых убийц. О том, что какой-то отбор имел место, говорит очень большой процент членов НСДАП среди низшего состава батальона (25%). Найти следы особого отбора офицеров оказалось еще сложнее. По эсэсовским меркам, хотя майор Трапп и был немецким патриотом, но отли-

чался приверженностью традициям и сентиментальностью — качествами, которые в нацистской Германии считались слабостью. Что касается Хоффманна и Вольауфа, то несмотря на их безупречные партийные рекомендации, назначение в резервный полицейский батальон с точки зрения эсэсовской карьеры было равнозначно отправке на запасной путь. Парадоксально, но самым безжалостным и извращенным убийцей оказался 48-летний старший лейтенант запаса Гнаде, а не два молодых гауптштурмфюрера, как можно было бы предположить. Браунинг приходит к выводу, что 101-й резервный полицейский батальон был послан расстреливать евреев не потому, что именно эти мужчины особенно подходили для выполнения такого задания. Напротив, на том этапе войны это были практически единственные силы, не находящиеся на фронте, которые можно было использовать для уничтожения евреев. Может быть, Глобчник был уверен, что любой батальон, вне зависимости от его состава, в состоянии провести массовый расстрел (S. 216).

Изучая теорию «авторитарной личности» Адорно и феномен «*sleeper*», описанный Эрвином Штаубом (Erwin Staub)⁷, Браунинг приходит к выводу, что для понимания 101-го резервного батальона лучше всего подходит эксперимент Филиппа Зимбардо. Поведение, которое Зимбардо наблюдал у 11 «тюремщиков», соответствует поведению полицейских 101-го батальона. Треть выборки Зимбардо показала себя жестокими и свирепыми тюремщиками, средняя группа — «жесткими, но справедливыми», они придерживались правил игры и не стремились плохо обходиться с «заключенными». Только два человека (20 % выборки) оказались «хорошими тюремщиками», которые не наказывали «заключенных», а даже по возможности помогали им. Спектр, зафиксированный Зимбардо, повторяет структуру, сформировавшуюся в 101-м резервном батальоне: «ядро» батальона — сами вызывались участвовать в расстрелах и «охоте на евреев»; большинство полицейских ждали приказа зачищать гетто или расстреливать, но сами не искали возможности убивать, а даже иногда, когда их никто не видел, могли дать жертве уйти; и маленькая группа полицейских, не превышающая 20 % состава батальона, отказалась от участия в расстрелах (S. 220).

Браунинг обращает особое внимание на следующий факт. Третий рейх предоставлял огромные возможности сделать карьеру в областях, где жестокость и насилие поощрялись. Тем не менее резервисты не пользовались этими возможностями, а оставались разнорабочими или мелкими клерками. Поэтому поведение «простых» полицейских батальона (не унтер-офицеров, профессиональных полицейских или эсэсовцев) сложно объяснить с точки зрения теории «авторитарной личности» (S. 221).

Чаще всего убийцы объясняли свои действия тем, что у них не было выбора, они выполняли приказ. Но за прошедшее после окончания Второй мировой войны время состоялись сотни процессов против нацистских преступников, и ни на одном процессе ни один обвиняемый не смог привести доказательств, что за отказ убивать безоружных гражданских лиц его действительно ожидало суровое наказание. Наказание, которое могло повлечь такое непослушание, было несоизмеримо с тяжестью преступления — убийства, совершение которого ожидалось от мужчин (S. 223). Одним из

⁷ Штауб назвал «*sleeper*» следующий феномен: большинство людей в особых условиях способны на brutальное насилие и убийства (S. 218).

вариантов самооправдания было утверждение, что в тот момент, когда мужчины соглашались на выполнение ужасающих заданий, они не могли знать, что наказание за невыполнение приказа будет не очень суровым. Тот, кто послушно соглашался следовать приказу убивать безоружных женщин, детей и стариков, находился в полной уверенности, что у него не было выбора. Без сомнения, во многих подразделениях офицеры угрозами заставляли своих подчиненных повинаться. Некоторые из унтер-офицеров 101-го батальона специально выбирали полицейских, которые не хотели стрелять, и угрозами заставляли их выполнить приказ. Тем не менее этот аргумент неприменим к 101-му батальону в целом. С того самого момента как майор Трапп со слезами на глазах предложил тем, кто «не считает себя достаточно зрелым для такого задания», отойти в сторону и защитил полицейского от гнева его командующего капитана Хоффманна, было ясно, что в батальоне нет мнимого принуждения. Это подтверждается и тем, что Трапп навсегда освободил лейтенанта Бухманна от участия в расстрелах. Таким образом, в батальоне выкристаллизовалось негласное правило — для проведения акций выбирались те, кто был готов стрелять, и те, кто при формировании «расстрельных команд» не предпринимал мер, чтобы остаться в стороне. В больших акциях те, кто не хотел убивать, в действительности не испытывал настоящего принуждения, поскольку Трапп не поддерживал угрозы унтер-офицеров. В оцеплении и конвоировании должны были принимать участие все, но каждый сам принимал решение, использовать ли ему оружие против безоружных или нет. Участники «расстрельных команд» на допросах показывали, что полицейские не получали однозначных приказов убивать маленьких детей или во время зачисток гетто разыскать всех прячущихся людей. Они также признавались, что часто при зачистках не стреляли, если эта их слабость могла быть скрыта от глаз сослуживцев (S. 223).

Если исполнение приказов в данном случае нельзя объяснить страхом перед наказанием, может быть, его можно объяснить с точки зрения «подчинения авторитету», по Стэнли Милгрэму, задается вопросом автор. Это объяснение, как и предыдущее, не совсем подходит к ситуации, сложившейся в 101-м батальоне. В отличие от лабораторных экспериментов Милгрэма майор Трапп не был сильным авторитетом, напротив, он был слаб и показывал свою слабость подчиненным. Он признался, что приказ ему неприятен, но пришел «с самого верха». Почему же большинство полицейских не воспользовались предложением Траппа? Милгрэм в ходе эксперимента установил, что испытуемые намного чаще оправдывали свое поведение подчинением авторитету, чем просто конформизмом, так как первое снимало с них груз ответственности за их действия. Но многие полицейские 101-го батальона, напротив, ссылались в первую очередь на то, что боялись, что их товарищи-сослуживцы подумают, будто они слабаки (S. 229). В основе эксперимента Милгрэма лежало идеологическое оправдание, построенное на убеждении, что наука по определению представляет собой нечто хорошее и служит прогрессу. При этом экспериментаторы не пытались очернить жертву в глазах испытуемого или привить ему какую-то определенную идеологию. Распространяя результаты своего эксперимента на национал-социализм, Милгрэм выдвигал гипотезу, что «самое деструктивное поведение нацистов под более или менее строгим контролем было следствием интериоризации авторитета, осуществленной в результате длительной идеологической обработки, невозпроизводимой в

лабораторных условиях»⁸ (S. 231). Были ли полицейские 101-го батальона жертвами «промывки мозгов»? — спрашивает себя Браунинг. Безусловно, Гиммлер придавал огромное значение идеологической индоктринации эсэсовцев и полицейских. Они должны были быть не только хорошими солдатами, но и идеологически мотивированными воинами, уничтожающими политических и расовых врагов рейха. Тем не менее существовали серьезные различия между СС и полицейскими резервистами, которые не отвечали представлениям Гиммлера об идеальных арийцах. Например, для того чтобы вступить в СС, необходимо было доказать, что в семье в последних пяти поколениях не было евреев. До октября 1942 года в резервные полицейские батальоны набирали мужчин, у которых могли быть дедушки или бабушки евреи (не более двух) и мужей женщин с таким родством (S. 232).

В базовое образование полицейского входил месячный идеологический курс, включавший себя материал о расовом учении как основе идеологии и о чистоте крови. После окончания курса все полицейские батальоны должны были получать идеологическую и военную подготовку у своих офицеров. Офицеры, в свою очередь, должны были пройти недельные курсы, на которых не только получали необходимые идеологические знания, но и пробовали себя на педагогическом поприще. Офицеры 101-го батальона однозначно придерживались указаний о проведении идеологических занятий с полицейскими. В декабре 1942 года капитаны Хоффманн и Вольауф и старший лейтенант Гнаде были отмечены Гиммлером за успехи в области идеологического обучения личного состава. Но взгляд на фактический материал, который использовался в 101-м батальоне для идеологических уроков, может породить сомнения в том, что эсэсовская индоктринация является единственным объяснением превращения совершенно обычных мужчин в убийц, пишет Браунинг (S. 233). В федеральном архиве в г. Кобленц находятся два вида таких материалов. Во-первых, это еженедельный «Бюллетень идейного обучения полиции порядка» (*Mittelungsblatt für die weltanschauliche Schulung der Opro*), выходивший с 1940 по 1944 год. Отдельные передовицы принадлежат перу таких бонз, как Геббельс, Розенберг или Вальтер Гросс. Конечно, бюллетень пронизан общими расистскими лозунгами, но конкретно антисемитизму в более чем 200 номерах уделено не так уж много внимания. В одной из статей «Еврейство и криминал» редакция бюллетеня приходит к выводу, что такие присущие евреям качества, как «несдержанность», «тщеславие», «бессердечность», «тупость», «коварство», «грубость», присущи и «идеальному преступнику». По мнению Браунинга, такое чтение может скорее навевать сон, чем толкнуть к кровавой расправе (S. 234). В декабрьском номере 1941 года внимание уделяется конечной цели войны — «Европе без евреев»: нация паразитов должна быть окончательно вырвана из европейской семьи. То, что еще два года назад казалось невозможным, шаг за шагом становится реальностью — таков общий смысл номера (S. 234). Эти лозунги пронизывали не только издания для полицейских батальонов, они распространялись во всем обществе. То, насколько бюллетень малопригоден для «промывки мозгов» с целью сделать из полицейских массовых убийц, показывает статья от 20.09.1942 —

⁸ Перевод цит. по: *Фрезар Ж-Ж. От экспериментов Милгрэма до полей сражения: к пониманию поведения комбатантов // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей (март, сентябрь), 2004. С. 59. <[http://www.icrc.org/web/rus/siteruso.nsf/html/irrc-841-844-2004/\\$File/Article2.pdf](http://www.icrc.org/web/rus/siteruso.nsf/html/irrc-841-844-2004/$File/Article2.pdf)>*

единственная статья, посвященная непосредственно резервным батальонам полиции. Основная мысль статьи — каким бы малозначительным ни казалось задание, его добросовестное выполнение в условиях тотальной войны очень важно. Необходимо отметить, что эта статья вышла в свет и могла попасть в поле зрения личного состава 101-го резервного батальона уже после его зверства в Йозефове.

Во-вторых, это «Труды по идейному обучению полиции порядка» (*Shriftenreihe für die weltanschauliche Schulung der Ordnungspolizei*), выходившие 4–6 раз в год. Один из выпусков 1941 года был посвящен чистоте крови и рейху. В 1942 году вышел номер под названием «Германия перекроит Европу по-новому», в 1943-м — специальный номер по вопросам расовой политики и еврейскому вопросу, суть которого сводилась к следующим тезисам: германская нация находится в постоянной борьбе за выживание; необходимо расчистить территорию, чтобы германский народ мог умножаться; необходимо поддерживать чистоту крови; евреи — это смесь рас, обеспечивающая свое существование благодаря инстинктам паразитов; расово чистый народ и евреи не могут сосуществовать, между ними возможна лишь борьба; сегодняшняя война решает судьбу Европы, а с полным уничтожением евреев Европа наконец-то окажется в полной безопасности. В заключение говорится, что расовая борьба — это в том числе демографическая борьба, поэтому предлагается рожать как можно больше детей. Поскольку эсэсовцы являются сливками нации, они должны рано жениться на расово чистых девушках и производить на свет как можно больше детей (S. 237).

Для того чтобы судить, насколько полицейские-резервисты были индоктринированы этими изданиями, необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, самое содержательное из вышеуказанных изданий вышло в 1943 году, когда северная часть дистрикта Люблин была уже практически «свободна от евреев», следовательно, слишком поздно, чтобы сыграть значительную роль в индоктринации 101-го батальона. Во-вторых, журнал 1942 года обращался в первую очередь к молодым эсэсовцам, а не к резервистам, которые уже имели жен и детей. В-третьих, возраст резервистов снижал их восприимчивость к индоктринации. Большинство нацистских преступников были очень молодыми людьми, выросшими в условиях нацистской пропаганды. Мировоззрение большинства мужчин 101-го батальона сформировалось до 1933 года в системе традиционных немецких ценностей. В-четвертых, идеологические трактаты опирались не только на нацистское мировоззрение, но и на политическую культуру, в которой резервисты прожили прошедшее десятилетие. Постоянное оскорбление евреев и превозношение германской нации стало основой мировоззрения большей части населения Германии, в том числе среднего полицейского-резервиста. В-пятых, журналы и другие материалы, посвященные еврейскому вопросу, хотя и оправдывали необходимость создания «свободной от евреев Европы», а также должны были вызывать и поддерживать симпатии к «окончательному решению», но они не содержали призывов убивать евреев и тем самым вносить личный вклад в осуществление этой цели. Стоит отметить, что материалы для обучения полиции порядка в случае борьбы с партизанским движением содержали прямое указание на то, что каждый должен быть достаточно твердым, чтобы самому убить партизана и подозреваемого в участии в партизанском движении. При этом в тех областях Польши, в которых дислоцировался 101-й батальон, уничтожение евреев и убийство партизан практически

«не пересекались», так что уничтожение евреев нельзя объяснить требованием убивать подозреваемых в партизанском движении.

Браунинг отмечает, что высокие чины СС посещали полицейские батальоны, которые готовились к отправке на территорию СССР, и проводили с ними беседы, готовя к участию в массовых убийствах. 101-й резервный полицейский батальон перед отправкой в Польшу такой инструктаж не проходил.

Обобщая, можно сказать, что 101-й резервный батальон был так же заражен расистской и антисемитской пропагандой, как и все остальное германское общество. Кроме того, как во время базового обучения, так и после него полицейские подвергались индоктринации, хотя большая часть материалов тем не менее не совсем подходила для поставленных целей. Кроме того, важную роль сыграл конформизм (S. 240).

Браунинг завершает свое исследование следующими размышлениями. Попытка историка объяснить поведение человека, а уж тем более поведение 500 людей сама по себе весьма дерзкое предприятие. Рассказанная история — это история совершенно обычных мужчин, у которых был выбор и большинство из которых решились на ужасающие преступления. Однако оправдать убийц нельзя. Ведь и в 101-м батальоне были те, кто отказался убивать. Человеческая ответственность относится к области индивидуального. Коллективное поведение батальона тем не менее вызывает определенную тревогу. И сейчас существуют общества, в которых сильны расистские настроения. Везде люди стремятся сделать карьеру. Любое современное общество характеризуется сложной бюрократической системой и специализацией, размывающей чувство личной ответственности. Любой социальный коллектив оказывает давление на поведение входящего в него индивида. Если мужчины из 101-го резервного батальона в таких условиях смогли стать убийцами, то для какой группы людей можно полностью исключить такую возможность? (S. 247)